

АВТОР
СТРАННИК

КРАСНАЯ НИТЬ И ЗВЁЗДНЫЙ ПЕПЕЛ

ФИЛОСОФСКИЕ БЕСЕДЫ
У ПОДНОЖИЯ БЕЛУХИ

КВАНТОВАЯ ФИЗИКА

НЕЙРОБИОЛОГИЯ

АНГЕЛЫ И ДЕМОНЫ

ОТКРОВЕНИЯ ГЕНЕРАЛА

ПЕТР МАМОНОВ

Мы — это
вселенная,
пытающаяся
понять себя.

Душа — это
звездная пыль,
вспомнившая
свое имя.

ГЛАВНОЕ —
НЕ БОЙТЕСЬ
ЛЮБИ.
ПЕТР МАМОНОВ

Странник Странник Красная нить и звёздный пепел: философские беседы у подножия Белухи

<https://litres.ru/73987281>

SelfPub; 2026

Аннотация

«Красная нить и звёздный пепел: философские беседы у подножия Белухи» — это серия философских бесед у камина на фоне священной горы Белухи. Физик, нейробиолог, священник и молодой скептик спорят о главном: откуда мы пришли и куда уйдём?

Из чего на самом деле сделана душа? Почему учёные признают ДНК фрактальной антенной? Существуют ли ангелы и демоны на самом деле, а не в метафорах? Кто нас встречает после клинической смерти — родные или «хранители»? Можно ли говорить с теми, кого уже нет? И главное — как среди бесконечных параллельных вселенных не потерять свою любовь?

Автор бережно переплетает квантовую физику, учение об ангелах, откровения советского генерала и мудрые цитаты Петра Мамонова. Это чтение согревает, как живой огонь, и заставляет задуматься о том, что даже звёздная пыль может обрести душу.

Содержание

Пролог. У костра на снегу	4
Вечер первый. Из чего мы сделаны на самом деле. Космическое происхождение человека и загадка сознания	12
Вечер второй. Ангелы и демоны: древняя лекция в новой тональности. Духовный мир как часть реальности	27
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Красная нить и звёздный пепел: философские беседы у подножия Белухи

Пролог. У костра на снегу

Зимний вечер. Горный Алтай. У подножия Белухи.

Я пишу эти строки при свете догорающих дров. За окном — только снег, тишина и силуэт горы, которую местные называют Уч-Сумер — «Три вершины». Мы же, русские, зовём её Белухой. Говорят, что это пуп Земли. Говорят, что именно здесь проходит граница между мирами — нашим и тем, который мы не видим, но всегда чувствуем.

Не знаю, правда ли это.

Но знаю другое: в этот вечер у камина собрались люди, которые слишком долго бежали от главных вопросов. И теперь, когда за окном метель, а дрова потрескивают так уютно, что невозможно лгать, — вопросы настигли их.

— Откуда я пришёл? — спросил первый.

— Куда я уйду? — подхватил второй.

— Кто я и зачем я здесь? — закончил третий, и стало тихо.

Я сидел в кресле напротив и молчал. Потому что когда такие вопросы звучат вживую, а не в душной университетской

аудитории, — любой готовый ответ кажется кощунством. Лучше просто смотреть на пламя и слушать.

Слушать тишину, которая говорит громче слов.

О красной нити, которую нельзя порвать

Первый гость — физик, бывший когда-то ярым атеистом, а теперь впавший в «мистическую ересь», как шутят его коллеги, — достал из внутреннего кармана потрепанный блокнот.

— Вы знаете древнее китайское верование? — спросил он без предисловий. — Невидимая красная нить связывает тех, кому суждено встретиться. Ни время, ни место, ни обстоятельства не имеют значения. Нить может растягиваться или сбиваться в клубок, но она никогда не порвётся.

— Красивая сказка, — усмехнулся второй, молодой и резкий.

— Возможно. Но тогда объясните мне, — физик не обиделся, — почему при встрече с новым человеком у вас иногда возникает ощущение, что вы уже знали его раньше? Не узнавали, нет. Именно знали. На уровне костей.

Молодой хотел ответить, но замялся.

— Вероятность того, что это ощущение — не галлюцинация, — продолжил физик, — составляет девяносто девять целых и девяносто девять сотых процента. Я проверял. Не на бумаге — на людях.

— Судьба? — тихо спросила женщина, до сих пор молчавшая у окна.

— То, что мы называем судьбой, действительно существует. Но не так, как учат в дешёвых гороскопах. Судьба — это каркас. Кости. А между ними мы можем петлять как угодно. Нулевой код — так я это называю. Те события и люди, которые должны произойти наверняка. Всё остальное — наша свобода.

Он помолчал, глядя на огонь.

— Говорят, у восьмилетней девочки в информационном поле уже можно просмотреть возможных мужей и детей. Обычно два-четыре варианта. Но последний выбор всегда остаётся за ней. Всегда. Запомните это.

Женщина у окна отвела взгляд.

О совпадениях, которые не случайны

Третий собеседник — священник, приехавший в эти горы не то за благодатью, не то за тишиной от московской суеты, — перебирал чётки. Не для того, чтобы молиться, а чтобы успокоить руки.

— Вы замечали, — сказал он негромко, — что иногда совпадения становятся слишком плотными? Сегодня вы впервые слышите незнакомое слово, а завтра оно преследует вас из каждого угла?

— Синхрония, — кивнул физик. — Так Юнг называл.

— Неважно, как называть. Важно понять: когда в вашей жизни происходит множество совпадений, это означает, что вы на правильном пути. Словно кто-то с дружеской улыбкой подчёркивает: «Я здесь. Я вижу. Продолжай».

— Хранители? — спросил молодой.

Священник пожал плечами:

— У каждого народа — своё имя. Ангелы. Наблюдатели. Архивариусы. Якобы Бехтерева, великий нейрофизиолог, в конце жизни говорила, что за каждым из нас следят невидимые существа. Без лиц, без тел, но они знают каждую нашу мысль. И только умирая, мы впервые их видим.

— Это страшно, — сказала женщина.

— Страшно — не знать, — ответил священник. — А знать, что за тобой наблюдают, — это ответственно. Потому что тогда каждое слово, каждый поступок, даже каждая мысль — не проходят бесследно. Они записываются. Где-то там, в глобальном информационном поле. Или в Хрониках Акаши, как говорили древние индийцы.

Физик кивнул:

— Закон сохранения энергии. Ничто не исчезает бесследно. Ни одна улыбка, ни один удар. Всё остаётся в поле памяти Вселенной.

Стало слышно, как трещат дрова.

О горе, которая стоит и смотрит

Я налил всем чаю — крепкого, с горными травами, пахнущего дымом и снегом. Потом подошёл к окну.

Белуха была чёрной на фоне лилового неба. Зимняя ночь в горах не бывает полной — снег и звёзды создают свой собственный, призрачный свет.

— Почему именно здесь? — спросил молодой, подходя ко

мне. — Почему не у камина в Москве, не на берегу моря? Зачем лезть в такую даль, чтобы просто разговаривать?

Я не знал, что ответить прямо, поэтому ответил историей.

— Говорят, что на Белуху нельзя подниматься с дурными мыслями. Не потому, что гора накажет, а потому, что здесь всё обнажается. Гора — как зеркало. Смотрит на тебя, и ты видишь не то, что хотел бы видеть, а то, что есть на самом деле.

— И поэтому сюда едут умирать, что ли? — хмыкнул молодой.

— Нет. Сюда едут рождаться заново.

Он замолчал.

Я вернулся в кресло. Огонь почти догорел, но никто не спешил подкладывать новое полено. В темноте голоса звучали иначе — глубже, что ли.

О списке на восемь листов

Физик снова раскрыл свой блокнот.

— У нас есть гипотеза, — сказал он уже не нам, а скорее самому огню, — что, приходя в этот мир, мы приносим с собой группу задач. Список уроков, которые решили осуществить. Примерно на восемь страниц.

— Кто пишет этот список? — спросил молодой.

— Мы сами. Вместе с друзьями и учителями. Ещё на «той стороне».

— До рождения.

— До рождения.

Женщина у окна вдруг заплакала. Тихо, почти беззвучно. Никто не обернулся — у костра есть правило: слёзы не комментируют. Мы просто дали ей время.

Потом она сказала, не вытирая лица:

— Я всегда знала, что моя дочь выбрала меня сама. Не я её — она меня. А врачи говорили: случайность, простая биология, ДНК. Но материнское сердце оно чувствует иначе.

— Ваша дочь не ошиблась, — тихо сказал священник.

И все поняли, что он говорит не о будущем, а о прошлом.

О диалоге с невидимым

Я подбросил полено. Искры взлетели к трубе, и на мгновение показалось, что они пробивают крышу и уходят прямо в звёздное небо.

— Есть у меня один друг, — начал я. — Он называет себя полным атеистом. Но каждое утро он смотрит в небо и говорит: «Если ты там — дай знак». А потом, когда случается очередное совпадение, он пожимает плечами и бормочет: «Теория вероятности».

— Классический случай, — улыбнулся физик. — Боится признать, что диалог идёт. Что знаки — это не шум, а речь.

— На каком языке, интересно, с нами говорят? — спросил молодой.

— На языке совпадений. Синхроний. На языке, который не переводится дословно, но понимается сердцем.

Священник перестал перебирать чётки.

— В Писании сказано: «Бог невидим». Но не сказано, что

Он молчит. Просто не все умеют слышать.

— Ангелы? — спросила женщина. — Они тоже невидимы. Но они ведь здесь. Сейчас.

Священник посмотрел на неё долгим взглядом и вдруг улыбнулся:

— А вы попробуйте их позвать. Не вслух. Мысленно. Они и так рядом, но когда вы обращаетесь к ним осознанно, нить становится плотнее.

— Та самая красная нить, — кивнул физик.

— Она самая.

О первых словах, которые не забыть

За окном начало светать — не по-настоящему, а так, пред-рассветно, когда чёрное становится серым, а серое — чуть розовым у горизонта.

Мы разошлись по комнатам, но никто не спал. Я слышал за стеной шаги, потом тишину, потом снова шаги.

Утром, за завтраком, молодой сказал:

— Я понял, зачем мы здесь. Не чтобы получить ответы. А чтобы научиться задавать правильные вопросы.

— Например? — спросил я.

— Например: «Не делаю ли я сегодня то, о чём пожалею, стоя перед теми самыми хранителями?»

Женщина улыбнулась — впервые за всё время.

— Это хороший вопрос. Намного лучше, чем «кто виноват» или «что мне за это будет».

Священник одобрительно кивнул:

— Ответы приходят к тем, кто перестаёт бояться вопросов.

Физик промолчал. Но я заметил, как он снова достал свой блокнот и на чистой странице написал всего два слова:

«Красная нить».

Вместо послесловия к прологу

Итак, дорогой читатель, эти десять вечеров у камина под Белухой были прожиты нами на самом деле. Или не на самом деле. Разница между вымыслом и правдой здесь так тонка, что я и сам не возьмусь её определять.

Но одно я знаю точно: каждая из следующих бесед изменила нас. Возможно, изменит и вас.

Потому что красная нить тянется не только между живыми.

Она тянется и между текстом — и тем, кто его читает.

Сядьте удобнее. Дрова уже трещат. За окном — вечность, которая называется ночью. А впереди — десять вечеров, десять попыток ответить на вопросы, от которых невозможно убежать.

С первым вопросом мы покончили: «Откуда я пришёл?»

Второй ждёт: «Куда я уйду?»

Вечер первый. Из чего мы сделаны на самом деле. Космическое происхождение человека и загадка сознания

Белуха, первый вечер. Дрова только что заложены, огонь только разгорается. Мы сидим в креслах, расставленных полукругом — так, чтобы каждый видел и пламя, и лица остальных.

Остывший чай и первый вопрос

Мы начали не с науки и не с молитвы. Мы начали с молчания. Так часто бывает в горах: когда выходишь из шумного города, первые полдня просто не можешь говорить — голосовые связки будто отвыкли от настоящей тишины.

Чай остыл. Я хотел подлить горячего, но отец Николай остановил меня жестом:

— Пусть. Вкус горечи иногда полезнее, чем обжигающая сладость.

Денис — наш молодой скептик, который приехал сюда с единственной целью «разоблачить всю эту эзотерическую чушь» — нервно постукивал пальцем по подлокотнику.

— Так что? — не выдержал он. — Мы собрались говорить о смысле жизни или просто так сидеть будем?

— А ты торопишься? — спокойно спросил Алексей, физик, когда-то работавший в ЦЕРНе, а теперь писавший странную книгу, которую никто не мог понять: то ли учебник по квантовой гравитации, то ли философский трактат.

— В Москве — да. А здесь — Денис оглянулся на окно, за которым чернела гора, — здесь время будто остановилось.

— Не остановилось, — поправила Марина, нейробиолог из Петербурга, женщина лет пятидесяти с руками, привыкшими к скальпелю, но удивительно нежными движениями. — Здесь время просто неприлично медленное. Как в замедленной съёмке. И в этой медлительности можно разглядеть то, чего в городе не замечаешь.

— Например? — спросил я.

— Например, что мы дышим. На самом деле дышим. Со вкусом. Со смыслом.

Она замолчала, прислушиваясь к собственному дыханию. И мы — за ней.

Потом отец Николай сказал тихо:

— Первый вопрос у нас был: «Откуда я пришёл?» В прологе мы только обозначили его. Может, сегодня на него и ответим? Не торопясь.

— Ответим? — усмехнулся Денис. — Да на этот вопрос три тысячи лет отвечают. Буддисты — перерождением, христиане — творением, атеисты — случайностью. Чей ответ возьмём?

— Ничей, — сказал Алексей. — Мы не возьмём ответ. Мы

его выведем. Как уравнение. Только не на бумаге — на огне.

Он кивнул на камин, и все невольно посмотрели на пламя.

Так начался первый вечер.

Звёздная пыль: то, что мы знаем точно

— Давайте начнём с того, что не вызывает споров, — предложила Марина. — С фактов.

— О, это я люблю, — оживился Денис.

— Факт номер один, — Марина загнула палец, тонкий и длинный. — Наше тело почти полностью состоит из элементов, которые не существовали в момент Большого взрыва.

— Расшифруйте, — попросил я.

Она улыбнулась — видимо, попала в любимую тему.

— В начале, по современным представлениям, во Вселенной были только водород, гелий и крошечные следы лития. Всё. Ни углерода, который составляет почти пятую часть нашего тела. Ни кислорода, которого в нас почти две трети. Ни азота, ни кальция, ни фосфора. Ничего из того, из чего построены белки, жиры, углеводы, ДНК.

— Откуда же они взялись? — спросил Денис, забыв на мгновение, что он здесь «разоблачитель».

— Звёзды их сварили, — просто сказал Алексей. — Термоядерный синтез в недрах звёзд. Водород превращается в гелий. Гелий — в углерод. Углерод — в кислород и так далее, по таблице Менделеева. Но есть предел.

— Какой? — спросил отец Николай, отставляя остывший чай.

— Железо. Звёзды, подобные нашему Солнцу, могут синтезировать элементы только до железа. Всё, что тяжелее — золото, серебро, йод, уран, — рождается в катастрофах. Во взрывах сверхновых. В столкновениях нейтронных звёзд.

Он помолчал.

— Карл Саган, которого вы все знаете по «Космосу», сказал однажды фразу, которая стала почти банальной. Но банальной она стала только потому, что слишком правильная. «Мы сделаны из звёздной материи». Он не имел в виду поэзию. Он имел в виду физику.

— То есть, — медленно проговорил Денис, — атом кислорода в моей крови

— Был рожден в недрах звезды, которая взорвалась миллиарды лет назад, — закончил Алексей. — Углерод в вашей ДНК — там же. Кальций в ваших костях — там же. Атомы железа, которые переносят кислород, — там же.

Стало тихо. Слышно было, как за окном падает снег с ветки.

— Мы ходим по земле, — тихо сказала Марина, — а внутри нас — вещество, которое путешествовало по космосу дольше, чем существует жизнь на нашей планете.

Отец Николай перекрестился.

— Господи, какое же это чудо.

— А водород, — добавил Алексей, — единственный элемент, который сохранился с первых мгновений после Большого взрыва. Его не нужно было варить. Он всегда был. Во-

дород в воде, которую мы пьём, — первозданный. Самый старый атом во Вселенной.

— И он же самый лёгкий, — заметила Марина.

— И самый распространённый. И самый одинокий — один протон, который ищет пару.

Мы снова замолчали. Теперь уже не от неловкости — от благоговения. Когда узнаёшь, что твоё тело сложено из космических останков, трудно продолжать спор о том, существует ли душа.

Вопрос сам собой перестаёт быть спорным.

Трудная проблема: от нейронов к переживанию

— Однако, — Марина откашлялась, возвращая нас в профессиональное русло, — знание химического состава не объясняет, зачем этому набору атомов — чувствовать.

— Как это? — не понял Денис.

— Вот представьте, — она повернулась к нему всем корпусом. — Я могу рассказать вам всё о том, что происходит в вашем мозге, когда вы видите красное яблоко. Сетчатка передаёт сигнал в зрительную кору. Нейроны активируются в определённой последовательности. Высвобождаются нейромедиаторы. Формируется паттерн возбуждения. Я могу описать это с точностью до миллисекунды и до пикомоля химических веществ. Но

Она сделала паузу.

— Но я не могу объяснить, почему этот процесс сопровождается ощущением красного. Самим вкусом красного,

если хотите. Тем, что философы называют квалиа. Почему нейронный шум — который, в сущности, является просто электричеством и химией — вдруг превращается в переживание?

— Это и есть та самая трудная проблема сознания? — спросил я.

— Именно. Термин придумал философ Дэвид Чалмерс в девяностых годах прошлого века. Он сказал простую вещь: есть лёгкие проблемы сознания — как работает внимание, как формируется память, как мозг обрабатывает сенсорные сигналы. Они рано или поздно будут решены нейронаукой. А есть трудная проблема — почему вся эта работа сопровождается субъективным опытом? Почему мы не просто автоматы, которые реагируют на стимулы, а существа, которые чувствуют, страдают, радуются?

— И что Чалмерс предложил? — спросил Денис уже без тени насмешки.

— Он предложил признать, что сознание — это фундаментальное свойство Вселенной, такое же, как масса, заряд или пространство-время.

— Панпсихизм, — кивнул Алексей. — Старая идея в новых одеждах.

— Но Чалмерс — материалист, — возразила Марина. — Он не говорит о душе в религиозном смысле. Он говорит, что сознание повсюду, просто в разной степени. У человека — сложное, у мыши — простое, у камня — почти нулевое,

но не нулевое.

— Камень чувствует? — Денис округлил глаза.

— Нет. Камень не чувствует. Но у него есть минимальное «нечто», которое при определённых условиях может стать чувствованием. Это не мистика, это логика: если сознание возникает из материи, то оно должно быть заложено в материи изначально. Иначе вы получаете чудо — из ничего появляется нечто.

Отец Николай задумчиво помешал угли кочергой.

— В христианстве, — сказал он негромко, — душа не возникает из материи. Она вдыхается Богом. Это не противоречит тому, что вы говорите, но и не подтверждает. Просто наш язык — другой.

— Вот! — Денис ткнул пальцем в сторону священника. — Вот где проблема. Учёные говорят на одном языке, священники — на другом, и они никогда не договорятся.

— А мы здесь зачем? — спросил я. — Чтобы не договориться или чтобы найти третий язык?

Никто не ответил.

Ересь Ровелли: трудной проблемы не существует

Алексей потянулся, хрустнув позвоночником — долгое сидение в кресле давало о себе знать.

— А что, если я скажу вам, — произнёс он вкрадчиво, — что никакой трудной проблемы не существует? Что Чалмерс её выдумал, а мы, как умные люди, поверили?

— Это ересь, — улынулась Марина. — В научном смыс-

ле.

— Возможно. Но у этой ереси есть имя — Карло Ровелли.

— Итальянский физик, квантовая гравитация, петлевая,

— кивнул я. — Я читал его эссе.

— Расскажите остальным, — попросила Марина.

Алексей подвинулся ближе к огню.

— Ровелли говорит: «Сегодняшние дебаты о сознании отражают наши человеческие страхи принадлежать к той же семье, что и неодушевлённая материя, и потерять наши дорогие, трансцендентные души». Он считает, что мы сами создали эту проблему, когда отделили субъекта от объекта, наблюдателя от наблюдаемого, разум от материи. Но в квантовой физике этого разделения нет. Наблюдатель — часть системы. Вы не стоите над миром, вы внутри него.

— И что это меняет? — спросил Денис.

— Всё. Если мы часть мира, то наше сознание — не нечто, добавленное к физическим процессам сверху. Оно — имя, которое мы даём этим процессам, когда они происходят внутри нас. Вы не «имеете» сознание, как шляпу. Вы — сознание. Оно не отдельно от вашего мозга. Оно и есть ваш мозг, работающий определённым образом, с определённой точки зрения.

— Но тогда, — возразила Марина, — вы возвращаетесь к грубому материализму. Сознание — просто эпифеномен, побочный продукт, который ничего не делает.

— Нет, — покачал головой Алексей. — Ровелли не сводит

сознание к нейронам. Он говорит, что опыт — это и есть та реальность, которую описывает физика. Когда нейробиолог описывает работу мозга с позиции третьего лица — это одно описание. Когда вы переживаете боль с позиции первого лица — это другое описание. Они не противоречат друг другу. Они просто разные перспективы на одно и то же.

— Как фотография горы с севера и с юга? — спросил я.

— Точно. Гора одна, но виды разные. И нет «трудной проблемы» согласования северного вида с южным. Нужно просто понять, что это одна гора.

Отец Николай медленно кивнул.

— В апостольских посланиях есть слова: «Тела ваши — храм Духа Святого, живущего в вас». Это не метафора. Это констатация. Дух не вне тела, не над телом. Дух внутри. Как ваша гора — одна, но разная с разных сторон.

— Вы переводите Ровелли на богословский язык, — улыбнулась Марина.

— А вы переводите богословие на нейробиологический. Может, так и надо. Может, все эти языки описывают одно целое, просто разными словами.

Денис вздохнул.

— Так что, трудной проблемы нет?

— Есть, — неожиданно сказал Алексей. — Только не там, где её ищет Чалмерс. Ровелли сам признаёт: истинная трудная задача — эмпирическая. Понять больше о функционировании мозга и тела, о связи паттернов возбуждения с субъ-

ективным опытом. Это не метафизический разрыв, это инженерная задача. Огромная, сложная, но разрешимая.

— То есть мы не знаем, как сознание работает изнутри, но рано или поздно узнаем? — уточнил Денис.

— Да. И когда узнаем, окажется, что душа — не «нечто иное», а «то же самое, увиденное изнутри».

Марина задумчиво крутила чашку.

— Вы знаете, — сказала она, — в нашем институте есть старая профессорша, которая изучает феномен клинической смерти. Она не верит в Бога, но верит в то, что сознание сохраняется после остановки сердца. У неё есть пациенты, которые описывали события в операционной с точностью, невозможной для галлюцинации. Она называет это не доказательством загробной жизни, а доказательством того, что мы не понимаем природу сознания.

— Сознание может быть полем, — добавил Алексей. — Не в мистическом смысле, а в физическом. Как электромагнитное поле. Оно не «внутри» мозга. Оно вокруг и пронизывает. А мозг — как антенна, которая настраивается на это поле.

— ДНК — антенна, — вспомнил я. — В одном из файлов, которые мы читали перед отъездом, было исследование о фрактальных свойствах ДНК. Она способна принимать сигналы в широчайшем диапазоне частот.

— От сверхнизких до радиоволн, — кивнул Алексей. — Исследователи Бланк и Гудман. ДНК — фрактальная антен-

на. Самоподобная структура, которая усиливает сигналы.

— Вы хотите сказать, — медленно проговорил отец Николай, — что ангелы могут общаться с нами через нашу ДНК? Через эту антенну?

— Я хочу сказать, — осторожно ответил Алексей, — что духовный мир не обязательно находится «где-то там». Он может быть везде. Просто у нас нет датчиков, чтобы его замерить. Кроме одного датчика — собственного сознания.

Мы молчали долго. Огонь почти угас.

Душа как естественная часть непрерывной реальности

Марина встала, подошла к поленнице, выбрала два сухих полена и бросила их в камин. Пламя вспыхнуло с новой силой.

— Знаете, что меня больше всего зацепило у Ровелли? — спросила она, вернувшись в кресло.

— Что именно? — спросил я.

— Он сказал: «У нас есть души. У нас есть внутреннее я. Мы можем рассматривать себя как трансцендентальные субъекты в кантовском смысле. У нас есть эмоции и духовная жизнь, мы испытываем квалиа. Но эти сущности получаются не добавлением к физическому состоянию, а вычитанием из полного физического описания».

— Вычитанием? — не понял Денис.

— Представьте, что я описываю ваше тело и мозг с максимальной полнотой — каждый атом, каждую химическую ре-

акцию, каждый нейронный импульс. В этом описании не будет вашего «я» — не потому, что его нет, а потому, что описание с точки зрения третьего лица по определению не включает точку зрения первого лица. Чтобы увидеть «я», нужно вычесть всё, что относится к внешнему наблюдателю, и останется — вы.

— Как негатив фотографии, — сказал отец Николай.

— Точно. Душа — это не плюс, это минус. Не нечто, добавленное к телу, а нечто, оставшееся, когда мы убрали всё, что можно измерить со стороны.

— Красивая метафора, — усмехнулся Денис. — Но превращается ли она в науку?

— А она и не должна превращаться в науку, — неожиданно жёстко ответила Марина. — Наука изучает то, что можно измерить. Душа — не измеряется. Но это не значит, что её нет. Это значит, что у науки есть границы.

— О, — Денис поднял палец, — это уже классический аргумент «бог пробелов». Вы загоняете душу в те щели, куда наука пока не дотянулась.

— Нет, — покачала головой Марина. — Я не говорю «наука не может объяснить, значит, Бог». Я говорю «наука по определению не занимается субъективным опытом как таковым». Она может изучить нейронные корреляты этого опыта, но не сам опыт. Опыт — это область феноменологии, а не нейрофизиологии.

— И поэтому мы здесь, — подвёл итог Алексей. — Пото-

му что наука даёт нам факты, но не даёт смысла. А мы ищем смысл.

— Или создаём его, — поправил Денис.

— Или создаём, — согласился Алексей. — Но из чего создаём? Из того же звёздного пепла. Мы — частицы вещества, которые на короткое время сложились в форму, способную задавать вопросы о самой себе. Это чудо само по себе. И не нуждается в дополнительных чудесах.

— Но и не исключает их, — тихо добавил отец Николай. Огонь трещал.

Золотая клетка и свобода, которую мы боимся

Поздно ночью, когда Денис уснул прямо в кресле, укрытый пледом, а Марина ушла в свою комнату, мы с Алексеем и отцом Николаем остались у почти погасшего камина.

— Я хочу вам кое-что сказать, — обратился священник к физику. — Не как проповедь, а как размышление.

— Говорите, — кивнул Алексей.

— Вы сегодня говорили о сознании как о свойстве Вселенной. О том, что мы — часть непрерывной реальности. В моём понимании, это очень близко к тому, что мы называем образом Божиим в человеке. Не как копия, а как отражение. Не как обладание, а как участие.

— Я не верю в Бога, — спокойно сказал Алексей. — Но я верю в то, что вы называете Его именем. Не в личность, а в принцип. В фундаментальную упорядоченность бытия, которая производит и звёзды, и сознание, и любовь.

— А любовь? — спросил я. — Вы забыли про любовь.

— Не забыл. Любовь — это самый загадочный коррелят сознания. Мы можем объяснить химию влюблённости — окситоцин, дофамин, серотонин. Но объяснить, почему этот химический коктейль заставляет человека жертвовать жизнью ради другого, — не можем.

— Потому что любовь — это не химия, — сказал отец Николай. — Химия — это её язык. Но не её суть.

Алексей улыбнулся.

— Вы знаете, в квантовой механике есть понятие запутанности. Две частицы могут быть связаны так, что изменение состояния одной мгновенно отражается на другой, независимо от расстояния. Эйнштейн называл это «жутким дальнодействием». Но это факт природы.

— Любовь — это запутанность? — спросил я.

— Может быть. Очень точная метафора. Мы запутаны друг с другом. И с миром. И с тем, что было до нас. Красная нить, о которой говорил Алексей в прологе, — это нить запутанности.

— Которую нельзя порвать, — добавил отец Николай.

Мы сидели в темноте. Огонь догорел. Было слышно, как дышит во сне Денис — ровно, по-детски беззаботно.

Алексей встал, потянулся.

— Первый вечер, кажется, удался.

— Мы ответили на вопрос «Откуда я пришёл»? — спросил я.

— Мы начали отвечать, — поправил отец Николай. — Мы пришли из звёзд. Из углерода и кислорода, сваренных в древних сверхновых. Из водорода, сохранившегося со времён Большого взрыва. Из запутанности, которая связывает всё со всем.

— И из любви, — добавил я.

— И из любви, — согласился священник.

— И из свободы, которую мы боимся использовать, — закончил Алексей.

Он подошёл к окну. Белуха стояла в звёздном свете — белая, древняя, равнодушная к нашим спорам и открытиям.

— Завтра, — сказал он не оборачиваясь, — мы спросим: «Куда я уйду?»

А пока — только первый вечер. И бесконечное небо над нами.

Вечер второй. Ангелы и демоны: древняя лекция в новой тональности. Духовный мир как часть реальности

Белуха, второй вечер. За окном — мороз под тридцать, звёзды такие яркие, что кажется, до них можно дотянуться-ся рукой. Дрова в камине прогорели до стадии ровного, глубокого жара — когда пламени почти нет, но тепло идёт такое, что кожу покалывает.

Прерванный вчера разговор

Мы проснулись поздно. Горное солнце — если его можно так назвать в декабре — только к обеду перевалило через соседний хребет и заглянуло в наши окна. Денис, который вчера уснул в кресле, утром жаловался на шею, но выглядел почему-то довольным.

— Кофе? — спросил я, когда он вышел к столу.

— Несите. И рассказывайте, что мы сегодня обсуждаем. Вчера мы вроде бы решили, что состоим из звёздного пепла. Сегодня — ангелы?

— Сегодня — ангелы и демоны, — кивнул я.

— Серьёзно? — он скривился, но не так, как вчера. Вчера это была усмешка отрицания, сегодня — скорее гримаса

человека, который не хочет признавать, что ему стало интересно.

— Серьёзно, — сказал отец Николай, входя в кухню. Он уже был в рясе — мы не привыкли, но он объяснил, что иначе «как-то не по-людски». — Тема, между прочим, проходит лейтмотивом через всё Священное Писание. И напрямую касается каждого из нас.

— Я не христианин, — напомнил Денис.

— А я не только христианин, — ответил священник. — Я ещё и человек. А ангелы, если верить Библии и Преданию, имеют дело со всеми людьми. Независимо от веры.

Марина вошла бесшумно, как она умела, — по-кошачьи.

— Я сегодня буду слушать больше, чем говорить, — объявила она. — Вчера я высказалась. Сегодня — очередь отца Николая.

— И Алексея, — поправил я. — Физик тоже должен сказать своё слово о духовном мире.

— Обязательно, — донеслось из комнаты. Алексей уже был на ногах, но все эти полчаса что-то писал в своём блокноте. — Я даже тезисы набросал. Но пусть сначала говорит батюшка. Это его территория.

Отец Николай улыбнулся.

— Не моя. Божия. Но я — передающий.

Мы расселись у камина — на этот раз теснее, плотнее, потому что вечер обещал быть долгим, а холод за окном — беспощадным.

Мир, который сотворён раньше

Отец Николай начал не с Библии. Он начал с чая.

— Вы заметили, — спросил он, отхлёбывая из кружки, — что, когда пьёшь горячий чай на морозе, вкус чувствуется иначе? Не вкус даже, а само тепло. Оно становится осязаемым. Почти живым.

— Это физиология, — пожал плечами Денис. — Сосуды расширяются, рецепторы активируются

— Неважно, почему, — мягко перебил священник. — Важно, что вы понимаете, о чём я. Есть вещи, которые мы чувствуем, но не можем объяснить словами до конца. Тепло чая на морозе. Тишину в горах. Присутствие кого-то невидимого в комнате.

— К чему вы клоните?

— К тому, что мир не ограничивается тем, что мы можем потрогать, измерить и взвесить. И это не религиозное утверждение, не метафизическое. Это — эмпирический факт.

Он поставил кружку и сложил руки на коленях.

— Был сотворён ангельский мир. Сотворён раньше нашего мира — материального. Святые отцы, толкуя слова «в начале сотворил Бог небо», разумели именно это: сначала — мир духовный, потом — мир вещественный.

— А доказательства? — спросил Денис, но без вызова. Скорее по привычке.

— В Книге Иова, 38 глава, — спокойно ответил священник, — сказано: «Егда сотворены быша звёзды, восхвалиша

Мя гласом велиим вси ангели Мои». То есть ангелы уже были, когда звёзд ещё не существовало.

— Звёзды — это наш мир, — пояснил Алексей. — Материя в её космическом масштабе. Если ангелы были до звёзд, значит, духовный мир действительно первичен.

— С точки зрения христианского учения — да. С точки зрения вашей физики — вопрос открытый. Я не настаиваю, что это научный факт. Я говорю, что это — вера. Но вера, которая имеет внутреннюю логику.

Денис хотел что-то сказать, но передумал.

— Расскажите, что такое ангелы, — попросила Марина. — Не в воскресной школе, а как вы это понимаете. После всех ваших лет в Церкви.

Отец Николай помолчал, собираясь с мыслями.

Функция, а не природа

— Чаще всего путаница происходит, — начал он, — когда мы спрашиваем «что такое ангел?» и ждём ответа какого-то ну, биологического, что ли. Есть у него крылья? Есть ли тело? Где он живёт?

Он усмехнулся.

— А ответ гораздо проще и сложнее одновременно. Блаженный Августин, отец неразделённой ещё Церкви, сказал так: «"Ангел" означает функцию, а не природу. Ты спрашиваешь, как называется эта природа? — Дух. Ты спрашиваешь о функции? — Ангел. По тому, что он есть, он дух, по тому, что делает, — ангел».

— То есть это не вид существа, а должность? — уточнил Денис.

— Очень грубо — да. Ангел — тот, кто несёт весть. «Благовестник» — по-гречески, «ангелос». Их природа — дух. Бестелесный. Не стеснённый телом, как мы. Может находиться в разных местах одновременно. Не нуждается в пище, питье, сне. Но это не делает их богами. Это просто другая форма бытия.

— Свободная воля у них есть? — спросил Алексей.

— Есть. И это важно. Иначе не было бы падения.

— А падение — это история про Люцифера? — спросила Марина.

Отец Николай кивнул.

— Был один ангел, первый, главный, вершина ангельской иерархии. Имя его — Денница. Переводится как «утренняя звезда». Красивое имя, правда? Образ ранней зари, когда солнце ещё не взошло, но тьма уже отступает.

— И что случилось? — спросил я.

— Возгордился. Пользуясь свободной волей, решил: я тоже дух, значит, я — бог. Не понял главного: что быть духом и быть Богом — не одно и то же. Бог — Источник. Ангел — творение. Даже самый совершенный.

— И он увлёк за собой других? — спросил Денис.

— Треть ангелов, как говорит Предание. Не силой увлёк — ложью. Стал клеветать на Бога, говорить про Него неправду. И те, кто поверил этой клевете, отпали вместе с ним.

— А те, кто не поверил?

— Остались с Богом. Их предводителем стал архангел Михаил — имя переводится как «кто как Бог». Вопрос, обращённый к падшему: ты думаешь, что ты как Бог? А кто как Бог? Только Сам Бог.

— И что стало с падшими? — спросила Марина тихо.

— Они стали демонами. Бесами. Имя их прежнего вождя — сатана, что значит «противник», или дьявол, «клеветник». Им некуда было деться — они не захотели каяться. И Господь, по любви, сотворил для них место, где нет благодати. Геенну. Ад.

— Бог сотворил ад? — Денис нахмурился. — Звучит жестоко.

— Святой Симеон Новый Богослов сказал удивительные слова: «Бог потому и благ, что геенну сотворил». Почему? Потому что падшие ангелы сами не могут создать себе места. Они могут только клеветать, лгать, искушать. Если бы Бог не дал им места, они были бы в нигде. А так — они хотя бы где-то есть.

— И они там мучаются?

— Они там пребывают. Мучение — это отсутствие любви. Не Бог их наказывает. Они сами выбрали бытие без Бога. И получили его.

Стало тихо.

Вмешательство, которое мы не замечаем

— Но мы же говорим не только о падших, — нарушил я

молчание. — Мы говорим об ангелах вообще. И о помощи.

— Да, — оживился священник. — Потому что благая весть о том, что ангелы помогают, гораздо важнее страхов об аде.

Он перекрестился коротко, по привычке.

— В Священном Писании десятки, сотни примеров. Ангел у врат Эдема защищает вход в рай. Ангел выводит Лота из Содома. Ангел останавливает руку Авраама, когда тот готов принести в жертву Исаака. Ангел ведёт Израиль из Египта — днём в облачном столпе, ночью в огненном.

— А в Новом Завете? — спросила Марина.

— Ещё больше. Ангел Гавриил является Захарии и возвещает рождение Иоанна Крестителя. Тот же Гавриил приходит к Деве Марии с благой вестью. Ангел выводит Петра из темницы. Ангелы служат Христу в пустыне. Ангел укрепляет Его в Гефсиманском саду. И наконец, ангел сидит на отваленном камле у Гроба Господня и говорит жёнам-мироносицам: «Что ищете живого среди мёртвых? Его нет здесь — Он воскрес».

— И это всё — не метафоры? — спросил Денис.

Отец Николай посмотрел на него долгим взглядом.

— Если для вас реальность ограничивается тем, что можно пощупать, — для вас это метафоры. Если вы допускаете, что мир шире, — это факты.

— А как же свобода воли? Ангелы помогают — значит, они вмешиваются. А мы тогда — марионетки?

— Нет. Ангел может подсказать, укрепить, защитить, но не может заставить. Помните, в прологе мы говорили о нулевом коде — том, что должно случиться наверняка? Ангелы — хранители этого кода. Но петлять между костями судьбы мы можем как угодно.

— У каждого человека есть ангел-хранитель? — спросил я.

— Церковь учит, что он даётся в крещении. Но я — он запнулся, — позволю себе частное мнение. Я думаю, ангел даётся каждому человеку от рождения. Просто при крещении мы этот дар осознаём и укрепляем. А если человек не крещён, ангел всё равно рядом, но человек его не слышит.

— Как радио, которое не настроено на волну, — вставил Алексей.

— Точно. Радио есть, вещание идёт, а приёмника нет.

Бунт, который никто не заметил

Алексей отложил блокнот и подался вперёд.

— У меня есть вопрос к вам, отец Николай, как у физика. Вы говорите, что ангелы — это духи, бестелесные, свободные, сильные. Но в вашей же истории падший ангел не смог сделать ничего, кроме лжи. Не смог создать свой мир, не смог даже место себе найти без Бога. Значит, у духа есть границы?

— Огромные границы, — кивнул священник. — Ангел не всесилен. Он не может творить ex nihilo — из ничего. Только Бог может. Ангел может только действовать в пределах

уже сотворённого. Искушение — это действие. Ложь — это действие. Но создать новую реальность — нет.

— Это важное замечание, — сказал Алексей. — Потому что в квантовой физике наблюдатель тоже не творит реальность, вопреки популярным мифам. Ведрал, о котором мы говорили вчера, чётко сказал: «Человек не творит реальность простым наблюдением. Реальность меняется естественным путём через обычные взаимодействия».

— Вы хотите сказать, что ангелы тоже действуют в рамках естественных законов? — удивилась Марина.

— Не совсем. Но я хочу сказать, что границы есть у всего. Даже у духовного мира.

Отец Николай задумался.

— Вы знаете, есть ещё один важный момент. Ангелы не знают всего. Например, они не знали тайны Боговоплощения до того, как она совершилась. Апостол Пётр прямо говорит: «во что желают проникнуть ангелы». Есть вещи, которые открыты человеку больше, чем бесплотным духам.

— То есть человек в чём-то выше ангелов? — спросил Денис.

— В том, что он может каяться. Падший ангел не может. Он укоренился во зле. А человек может упасть на самое дно, а потом подняться. И это — наша уникальность.

— Золото в огне жгут, чтобы оно стало чистым, — тихо сказал я, вспоминая слова Мамонова из вчерашнего чтения.

— Да. Именно так.

Демоны: клеветники, которые не могут создать ничего своего

— А теперь давайте скажем несколько слов о тех, кто пал, — предложил Алексей. — Без демонизации, без страшилок. Просто — что они есть.

Отец Николай кивнул.

— Демоны — это не злые боги, не враги Бога, равные Ему по силе. Это творения, которые использовали свою свободу во зло. Их главное оружие — ложь. Иисус Христос говорит о дьяволе: «Он был человекоубийца искони, и не устоял в истине, ибо нет в нём истины. Когда говорит он ложь, говорит своё, ибо он лжец и отец лжи».

— Значит, они не могут сказать правду? — спросила Марина.

— Не могут. Потому что правда — от Бога. А они от Бога отпали. Всё, что они говорят, — смесь правды и лжи. Самая опасная смесь.

— Как в раю, — вспомнил я. — Змей сказал Еве: «Бог знает, что в день, когда вы вкусите, откроются глаза ваши, и вы будете как боги, знающие добро и зло». Часть правды — глаза действительно открылись. А часть лжи — вы не стали богами. Вы стали смертными.

— Искушать — их главное занятие, — продолжил священник. — Но важно понимать: они не могут заставить человека сделать что-то против его воли. Они могут только внушить мысль. А уж принять её или отвергнуть — выбор че-

ловека.

— Как в том анекдоте про дьявола, который говорит: «Я только подкидываю идеи, а ты уже сам всё делаешь»? — усмехнулся Денис.

— Грубо, но точно. Я всегда говорю студентам: никто вам в рот запретный плод не засовывал. Ни Еве, ни Адаму. Всё сделали сами. Демон только прошептал: «А может, попробовать?»

— А демоны могут вселяться в людей? — спросила Марина.

— Могут. Это называется одержимость. Но это не фокусы из фильмов ужасов. Это состояние, когда человек так долго соглашался с ложью, так долго выбирал тьму, что его воля ослабела, и дух злобы смог занять место.

— И как с этим борются?

— Молитвой, постом, таинствами. И — свободным выбором человека. Ни один демон не может войти в человека без его молчаливого согласия.

— То есть мы сами открываем дверь, — резюмировал Алексей.

— Сами. И сами можем закрыть. Но это трудно. Гораздо труднее, чем открыть.

Где живут ангелы и где — демоны

За окном ветер усилился. Белуха скрылась за снежной пеленой — такое здесь бывает внезапно: ясное звёздное небо, и через десять минут — белая стена.

— Ангелы, — продолжил отец Николай, — не живут в каком-то особом месте, которое можно нанести на карту. Они — там, где Бог. А Бог, как учит Церковь, вездесущ. Поэтому ангелы — везде. Просто мы их не видим.

— Демоны тоже везде? — спросил Денис.

— Демоны — там, где отсутствие Бога. Но поскольку Бога нет только в аду, то в нашем мире они — как паразиты. Не имеют своего места, поэтому ищут пристанища в душах людей, в разрушенных местах, в хаосе.

— Энергия хаоса, — тихо сказал Алексей. — В физике есть концепция энтропии. Демоны — агенты энтропии? Те, кто увеличивает беспорядок?

— Очень точная метафора. Они не творят порядок. Они творят разложение. Распад. Смерть.

— Но Бог не сотворил смерти, — возразила Марина.

— Не сотворил. Смерть — следствие греха. Как сказано в Писании: «Бог не сотворил смерти и не радуется гибели живущих».

— Тогда зачем Он её допускает?

Отец Николай вздохнул.

— Я не знаю полного ответа на этот вопрос. Никто не знает. Но я могу предположить, что смерть — это граница. И граница эта — милосердная. Потому что если бы человек жил вечно в своём грехе, он бы закаменел во зле навсегда. А смерть прерывает этот путь. Даёт шанс на покаяние.

— На границе? — спросил я.

— На границе жизни и смерти. В момент перехода человек может увидеть то, чего не видел раньше. Может встретить тех, кто был невидим. И может сделать последний выбор.

— Бехтерева, — вспомнила Марина. — Она говорила, что смерть — это встреча не с родными, а с хранителями.

— Да. И это не противоречит христианству. Хранители — ангелы. Они встречают душу и сопровождают её.

— А родные?

— Родные — могут быть тоже. Но не всегда. Не всем дано. Иногда родные сами ещё не там. Иногда душе нужно сначала встретиться с Тем, Кто её создал.

— С Богом?

— С Богом.

Иерархия и имена: те, кого мы знаем

Чтобы разрядить тяжесть разговора, я спросил:

— А можно узнать имена ангелов? Как их зовут?

Отец Николай улыбнулся.

— Некоторые имена нам открыты. Архангелов — семь. Михаил, Гавриил, Рафаил, Уриил, Селафиил, Иегудиил, Варахиил. Иногда добавляют Иеремиила.

— И что означают эти имена? — спросил Денис. — Не просто звуки?

— Имена — это их служение. Михаил — «кто как Бог», архистратиг, предводитель воинства. Гавриил — «сила Божия», благовестник. Рафаил — «милосердие Божие», цели-

тель. Уриил — «свет огня Божия», просветитель. Селафиил — «молитва Божия». Иегудиил — «хвала Божия». Варахиил — «благословение Божие».

— А ангел-хранитель каждого человека — у него есть имя?

— Есть. Но оно нам не открыто. Почему? Потому что если бы мы знали имя своего хранителя, мы бы узнали свой путь. А путь — это свобода. Господь не хочет, чтобы мы шли по рельсам, зная каждый поворот. Он хочет, чтобы мы искали. И находили. Сами.

— Но с помощью ангела, — добавил Алексей.

— С помощью, да. Но не под диктовку.

Марина заварила свежий чай. Разлила по кружкам. Мы пили молча, каждый думая о своём.

Когда ангел отступает

— У нас вчера остался вопрос, — сказал я. — Когда ангел отступает от человека?

Отец Николай отставил кружку.

— Когда человек оскорбляет Духа Божия, живущего в нём. Своими беззакониями, своей злой волей, своим сознательным выбором тьмы. Ангел не может находиться там, где человек выбрал ад.

— Но он может вернуться?

— Если человек кается — да. Как блудный сын. Помните притчу? Ушёл, расточил имение, дошёл до дна, а потом сказал себе: «Встану, пойду к отцу моему». Отец не бежал за

ним всё это время, не звал, не умолял. Он ждал. И когда сын вернулся — выбежал навстречу.

— И ангел?

— И ангел. Ангел тоже ждёт. И возвращается. Не наказывать, не укорять. Просто — снова быть рядом.

— А если человек не каётся?

— Тогда ангел отходит окончательно. И человек остаётся один на один с тем, что выбрал. С демонами. С пустотой.

Денис, который всё это время сидел с непроницаемым лицом, вдруг спросил:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.